

Становление системы домашних семинаров в России: «вечерние беседы» М.С. Куторги²

Появление семинарской формы занятий в Петербургском университете относится к началу 1840-х гг., её родоначальником стал М.С. Куторга. Главной целью домашних семинаров он считал привитие обучаемым критического метода, навыков самостоятельного исследования истории. В рамках «вечерних бесед» происходило становление профессионалов-историков, осваивалась методика научного исследования, передавались от учителя знания, умения и определялись будущие темы диссертаций.

М.С. Куторга заранее ставил перед студентом конкретную узкую проблему из области античной истории. Ученик самостоятельно ее разрабатывал, и свой вариант решения оглашал в виде доклада молодым коллегам, собравшимся на квартире у М.С. Куторги. От докладчика требовалось знание источников на языке оригинала, историографии вопроса. После прочтения доклада следовало его обсуждение. Порой оно велось даже очень бурно, нередко завязывались горячие споры. Мэтр требовал от каждого аргументированного изложения своей точки зрения по обозначенной проблеме. Используя метод наводящих вопросов, М.С. Куторга старался направить спор в нужное русло. Вероятно, ученики в итоге приходили к выводам своего учителя. В будущем на основе таких докладов создавались магистерские диссертации.

Ключевые слова: домашние семинары, М.С. Куторга, антиковедение, историография истории Древней Греции, научные школы.

¹ Скворцов Артём Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, заместитель декана историко-филологического факультета по воспитательной работе. Artyom-skvorcov@yandex.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 16-33-01035.

На первый взгляд, заявленная в заголовке тема не вписывается в тематику сборника. Но следует заметить, что Михаил Семёнович Куторга (1809–1886) стоял у истоков не только антиковедения в Петербургском университете, но и в целом – всеобщей истории. Его ученики, защищая диссертации по древнегреческой истории, становились потом преподавателями и крупными специалистами по истории западноевропейского средневековья, византийской истории и даже по истории Нового времени. Так, например, предметом исследования В.В. Бауер стала эпоха Реформация.

Новаторство М.С. Куторги как учителя состояло в том, что он настаивал не на воспроизводстве учениками уже готового знания, а на самостоятельном вдумчивом исследовании источника, что позволяет сформировать собственное видение проблемы. С целью введения молодых людей в науку Куторга стал проводить у себя на дому неформальные встречи, или «вечерние беседы»¹, где знакомил студентов с «методом научных занятий, с требованиями научного исследования»².

На наш взгляд, дискуссионным является вопрос о времени организации «вечерних бесед». Большинство исследователей творчества М.С. Куторги говорят о конце 1840-х гг., опираясь на записку профессора В.В. Бауера, помещенную в труде В.В. Григорьева³ В литературе имеется и другая точка зрения относительно начала проведения домашних семинаров – 1839 г.⁴ Она при-

¹ Этим словосочетанием В.В. Бауер в записке о своем учителе называет мероприятие по подготовке молодых людей к занятиям наукой. Оно имело неформальный характер и проводилось на дому у М.С. Куторги: Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 216.

² Там же. С. 216.

³ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / Отв. ред. В.Н. Гинев. СПб., 2000. С. 13; Шофман А.С. Основные проблемы истории античной Македонии в историографии // Уч. зап. КГУ. Серия «История». Т. 114. Кн. 5. С. 187; Константинова А.Д. Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1964. С. 94; Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 170.

⁴ В.Б. Празднование пятидесятилетнего юбилея ученой деятельности М.С. Куторги // ЖМНП. 1883. Ч. ССXXVI. Апрель. С. 62

надлежит некоему В.Б. А.Д. Константинова пришла к выводу, что этот псевдоним принадлежит В.А. Бильбасову¹, с которым у мэтра были довольно близкие отношения, что устанавливается благодаря переписке 1863–1870 гг. Однако если судить по содержанию очерка, особенностям стиля, а также дословному воспроизведению ряда предложений из статьи о М.С. Куторге в труде В.В. Григорьева, можно предположить, что под этими инициалами скрывается В.В. Бауер. Из этого следует, что почти через полтора десятка лет после выхода монографии о Петербургском университете автор изменил свою точку зрения. Попытаемся разобраться в причине этого.

В.В. Бауер был студентом в 1850-е гг. К этому времени, на наш взгляд, о школе М.С. Куторги можно говорить как о сложившемся явлении: авторитет учителя в научной среде достаточно высок, под его руководством было защищено 3 магистерских (В.М. Ведровым, М.М. Стасюлевичем, Н.А. Астафьевым) и 1 докторская диссертация (М.М. Стасюлевичем). Ученики себя позиционировали именно как научное сообщество, во главе которого находился их любимый профессор всеобщей истории Михаил Семенович. Следовательно, Василий Васильевич не мог наблюдать процесса складывания данной антиковедческой школы лично, и всю информацию об этапе ее становления он мог почерпнуть из бесед с очевидцами, на глазах которых этот процесс протекал. Юбилей – хороший повод окунуться в прошлое, вспомнить, как все начиналось. В 1882 г. в усадьбе Борок Могилевской губернии с размахом отмечалось 50-летие научной деятельности М.С. Куторги: были приглашены ученики мэтра, местная интеллигенция, чиновники. Вероятно, именно здесь и прозвучала дата 1839 г. как начало «вечерних бесед». Позже она была помещена в статью В.В. Бауера 1883 г.

В нашем распоряжении имеются также и другие сведения, указывающие на раннюю дату начала проведения домашних семинаров мэтра. А.А. Чумиков, студент второй половины 1830-х гг., в воспоминаниях отмечает, что М.С. Куторга был едва ли не единственным профессором в Петербургском университете,

¹ Константинова А.Д. М.С. Куторга как историк античности : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966. С. 11.

который «частным образом» руководил ограниченным количеством слушателей в их занятиях историей¹. Как правило же, общение студентов и преподавателей ограничивалось стенами университета. По всей видимости, эти неформальные встречи не принесли желаемого М.С. Куторгой эффекта, он остался неудовлетворен работой своих подопечных, и никто из них после окончания учебы не пошел по его стопам. Поэтому домашние семинары продолжались недолго и вскоре были прекращены². Возможно, первая попытка собрать вокруг себя молодых людей для занятий античностью оказалась провальной потому, что с 1838 г. Михаил Семенович преподавал всеобщую историю только лишь юристам³, у которых, вероятно, не было желания посвящать себя исторической науке.

Но в начале 1840-х гг. М.С. Куторга начал читать лекции на первом историко-филологическом отделении философского факультета. Кроме этого, в 1842 г. ему было поручено проводить педагогические занятия по истории, географии, статистике с казеннокоштными студентами, готовящимися к учительскому званию⁴. М.С. Куторга в 1842 г. в прошении в Совет Петербургского университета отмечал: «Весьма натурально, что только профессор может с пользой делать практические упражнения, который сам читает лекции студентам, потому что сии упражнения ничто иное, как практическое приложение всего того, что они услышат на лекции»⁵. Из отрывка следует, что Михаил Семенович вовсе не планировал объяснять студентам в данном курсе приемы и методы обучения гимназистов, хотя по замыслу в этом и состояла его суть. Но мэтр был убежден, что искусству педагогики нель-

¹ Чумиков А.А. Студенческая корпорация в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1881. Т. 30. № 2. С. 377.

² А.А. Чумиков сообщает, что они существовали «короткое время». – См.: Там же.

³ Григорьев В.В. Указ. соч. С. 218.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4336а. Л. 401; Формулярный список М.С. Куторги // РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 255. Л. 16–17 об.

⁵ Представление в Совет Императорского Санкт-Петербургского университета от 1-го отделения философского факультета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4531. Л. 1 об.

зя научить¹. Поэтому эти занятия он превратил в практические упражнения, которые представляли собой тщательную проработку первоисточников и специальной литературы по указанной теме. И здесь М.С. Куторга не был новатором – он перенес немецкий опыт (так называемые, «historico-practico»²), с которым познакомился в Профессорском институте в Дерпте, на русскую почву.

Еще одна форма занятия, с которой М.С. Куторга познакомился в Дерпте, – «disputatorio» – обсуждение в виде дискуссии рефератов воспитанников³. Как показывают архивные материалы, и этот метод Михаил Семенович использовал для обучения специализирующихся у него студентов. Так, он отмечает, что именно благодаря посещению в течение трех лет (1843–1846 гг.) педагогических занятий В.М. Ведров написал «отличную» кандидатскую диссертацию об афинском тиране Критии⁴. То есть и первые научные работы молодых историков создавались, правились и обсуждались в ходе «педагогических занятий». Кроме этого, нельзя, отрицать, что уже в начале 1840-х гг. М.С. Куторга приглашал к себе на квартиру ограниченный круг лиц для обсуждения ученых сочинений своих воспитанников. Эта практика, как мы уже отмечали, существовала короткое время во второй половине 1830-х гг. Таким образом, по смыслу «педагогические занятия» являлись теми же «вечерними беседами», о которых писал В.В. Бауер. А значит, и формирование рассматриваемой научной школы следует относить к 1842 г. Именно с этого времени исторические семинары начали проводиться мэтром систематически. Вероятно, попросту М.С. Куторге не хватало времени для обсуждения всего запланированного на «педагогических занятиях» в стенах университета, и он сделал в дополнение неформальные встречи избранных студентов у себя на квартире. Вышесказанное позволяет нам опровергнуть точку зрения В.С. Брачева о том, что система регулярных семинаров в Петербургском универси-

¹ А.Ч. Указ. соч. С. 142.

² См.: Мадиссон Ю.К. Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Уч. зап. Тартусского университета. Труды историко-филологического факультета. Таллин, 1956. Вып. 43. С. 17.

³ Мадиссон Ю.К. Указ. соч. С. 18.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 160. Л. 1.

тете сложилась на рубеже XIX–XX вв.¹. Ее зарождение связано с деятельностью М.С. Куторги.

В ходе «вечерних бесед» постигался критический метод исследования, который, по мнению М.С. Куторги, необходимо усваивать именно на основе античной традиции. При этом требовалось чтение источников на языке оригинала, что способствовало более вдумчивому, внимательному изучению классических авторов, а также постижению их менталитета. Отчасти по этой причине не каждый студент мог попасть на квартиру к строгому профессору. Мэтр обращал внимание лишь на тех, кто достаточно хорошо владел древнегреческим языком и латынью. Но и это было не главным критерием. М.С. Куторга персонально приглашал на эти дополнительные занятия лишь тех, кто уже имел достаточно прочные знания и ярко выраженный интерес к науке, поэтому для начинающих историков было честью, что суровый преподаватель обратил на них внимание и выделил из числа сокурсников. Показателен пример с одним из вольнослушателей Петербургского университета конца 1840-х гг. Н.А. Арбузовым, который, восхитившись эрудицией М.С. Куторги на лекциях, попытался попасть к нему на домашние семинары. Михаил Семенович, видя недостаточную подготовку по предмету молодого человека, посоветовал ему не приступать к занятиям наукой и даже не посещать университетских лекций в течение полугода, потратив это время на изучение древних языков². Вместе с тем мэтр рекомендовал читать сочинения Ф. Гизо, О. Тьерри и Б.Г. Нибура. Как уже отмечалось, именно их сочинения повлияли на становление М.С. Куторги как ученого.

Таким образом, М.С. Куторга предпочитал не массовую подготовку учеников, а штучную, приглашая на «вечерние беседы» только избранных. Это свидетельствует о том, что вокруг него сосредоточивались довольно сильные личности, которые «из кожи вон лезли», доказывая свою способность к занятиям наукой, чтобы пробиться к именитому профессору.

¹ Брачев В.С. Наша «петербургская школа историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 130; см. также: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 66.

² Арбузов Н.А. Мой журнал, или сборник ежедневных впечатлений // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 85–85 об.

Главной целью домашних семинаров М.С. Куторга считал привитие неофитам навыков самостоятельного исследования проблем истории, чтобы в будущем из-под их пера выходили качественные работы. О своих частных занятиях он говорил: «Здесь мы... учимся писать»¹. И следует отметить, что его старания не пропадали даром, а наоборот – увенчивались успехами учеников. Работы некоторых из них благодаря «вечерним беседам» удостоивались университетской награды. Так, В.В. Бауер в 1855 г. получил серебряную медаль за работу о влиянии древневосточной культуры на античную. Задание было сформулировано следующим образом: «Описав в общих чертах новейшие открытия в Малой Азии и Ниневии, представить состояние ассирийско-фригийской образованности и указать ее влияние на древнюю Грецию»². М.М. Стасюлевич в 1847 г. также заслужил серебряную медаль за сочинение, посвященное гомеровскому вопросу, актуальному и по сей день: «Доказать, что в “Илиаде” и “Одиссее” ... нельзя найти никаких верных указаний на существование искусства письма, ... что все песни по одиночке сначала не были написаны, а как время и случай подавали к тому повод, составлены силою вдохновения непосредственного; что потом были заучиваемы; часто повторялись наизусть, увеличивались или сокращались; впоследствии же предавались письму, что таким образом составились те два пространных стихотворения, которые дошли до нас»³. Интересно, что в студенческие годы будущий революционер-демократ Н.Г. Чернышевский хотел разработать предложенную кафедрой всеобщей истории (а значит, М.С. Куторгой) в 1849/1850 учебном году тему о Клеоне на соискание медали. Она была сформулирована так: «Представить жизнеописание афинянина Клеона: для чего рассмотреть известия древних писателей о его происхождении, рассказать его военные и гражданские действия, описать топографически город Пилос и остров Сфакторию и нарисовать подробный их план; объяснить отношение Клеона к комедии и рассмотреть лицо его у

¹ Арбузов Н.А. Мой журнал... Л. 90.

² Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1890. Вып. 6. С. 22.

³ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. / Под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911. Т. 1. С. 38–39.

Аристофана»¹. Но, однако, Н.Г. Чернышевский опоздал с просьбой о принятии его в число участников конкурса. И золотую медаль получил студент IV курса Александр Воронин, который регулярно участвовал в «вечерних беседах», следовательно, под руководством мэтра написал работу².

Особенность предлагаемых кафедрами тем на соискание медалей, и это следует из самой формулировки, состоит в том, что преподаватели не только ставили проблему, но и сами ее и решали или указывали путь решения, давая подробный план работы. На наш взгляд, такой подход к конкурсу «загонял» студентов в определенные рамки, лишал их возможности творческого подхода к проблеме. Зачастую начинающим исследователям оставалось лишь подобрать доказательства к той или иной гипотезе. Хотя, вероятно, предполагалось, что студентам довольно сложно самостоятельно справиться с поставленной проблемой, поэтому в качестве подсказки намечался путь ее решения. Большинство учеников М.С. Куторги пробовали себя в решении таких задач, однако не всем удавалось получить награду. Но эти медальные сочинения являлись проверкой исследовательских способностей студентов, их первыми шагами в науку.

Для работы со своими подопечными М.С. Куторга применял проверенную методику, знакомую ему еще со времени обучения в Дерпте. В целом же считается, что появление исторических семинаров в России связано с влиянием немецких университетов³. Через посредство Профессорского института в Дерпте и

¹ Григорьев В.В. Указ. соч. С. XLV.

² Н.Г. Чернышевский в своем дневнике от 24.09.1848 г. пишет, что хочет поступить кандидатом на «педагогические лекции» к М.С. Куторге, о чем сообщает ученикам профессора – А. Воронину и некоему Лыткину, желая заручиться их поддержкой. – См.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений / Под ред. Б.П. Козьмина. М., 1939. Т. 1. С. 130.

³ Корева Н.С. К вопросу о начале исторического семинара как формы занятий в Российских университетах // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения: Сб. ст. Казань, 2008. С. 81; Антощенко А.В. DasSeminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта «семинариев» московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVII – начала XX в. М., 2009. С. 270.

благодаря заграничным командировкам отечественных ученых эта традиция стала усваиваться и на русской почве. Известный немецкий историк И.Г. Дройзен в статье о научно-практических занятиях студентов в немецких университетах отмечал, что семинарская форма занятий появилась в Германии уже в XVIII в.¹ Их учреждение было вызвано необходимостью подготовки молодых людей к преподавательской деятельности путем методических и педагогических упражнений. Однако, по мнению И.Г. Дройзена, такая цель требует решения задачи подготовки будущих учителей и в научном плане, так как наилучший преподаватель тот, «кто наиболее упражнялся в своей науке и достиг в ней наибольшего образования путем собственного, самостоятельного исследования»². Следует отметить, что М.С. Куторга также ратовал за фундаментальность в процессе подготовки учительских кадров. Так, в обсуждении об открытии педагогических курсов при Петербургском университете в 1859 г. взамен закрытого Педагогического института он «выходил из себя», доказывая значимость классической древности в современном ему образовании. Он утверждал, что учитель в совершенстве должен знать греческий и латинский языки³.

Возвращаясь к проблеме семинаров, скажем, что благодаря им студенты понимают всю трудоёмкость научной работы. Если на лекциях профессора предлагают уже готовые выводы и заключения, то в ходе практических занятий, тщательно изучая источники, студенты могут самостоятельно выстроить цепь рассуждений и прийти к собственным результатам. При ответственном подходе к делу начинающие ученые узнают, сколько усилий и терпения требует наука. Вследствие этого они становятся осторожнее в собственных умозаключениях и более взвешенно критикуют труды предшественников⁴.

С помощью источников личного происхождения можно в общих чертах представить процесс проведения «вечерних бесед».

¹ Дройзен И.Г. О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по истории // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. С. 79–80.

² Там же. С. 80.

³ Никитенко А.В. Дневник. М., 2005. Т. 2. С. 136–137. (Запись от 7.04.1859).

⁴ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 82.

Полной картины создать невозможно, так как описаний домашних семинаров М.С. Куторги крайне мало, и они очень кратки.

Профессор заранее ставил перед студентом проблему из области античной истории. Ученик самостоятельно ее разрабатывал и свой вариант решения оглашал в виде доклада молодым коллегам, собравшимся на квартире у М.С. Куторги. Домашние семинары проходили обычно вечером. Начинались они около шести часов, когда и профессор, и студенты освобождались от занятий в университете. После прочтения доклада следовало его обсуждение. Порой оно велось даже очень бурно, нередко завязывались горячие споры, в результате чего ученики покидали квартиру учителя за полночь. Возможность высказаться, четко и аргументировано изложить свою точку зрения была у каждого, более того – мэтр этого и требовал. М.С. Куторга, несмотря на свой вспыльчивый характер, терпеливо выслушивал даже те мнения, которые расходились с его собственным¹. Однако это совсем не означает, что обсуждение велось хаотично, и в итоге каждый мог оставаться на своих позициях. Мэтр старался направить спор с помощью наводящих вопросов в нужное для учебного процесса русло. По всей видимости, ученики в итоге приходили к выводам своего учителя.

Возможно установить и день недели, в который проводились «вечерние беседы». Письмо М.М. Стасюлевича М.С. Куторге дает нам веские основания предположить, что в 1840–50-х гг. это была суббота: «Кланяйтесь от меня всем в субботу вечером, если у Вас по-прежнему собираются в этот день»².

Более подробную информацию о ходе «вечерних бесед» мы получаем из писем П.И. Люперсольского. Однако это уже более поздние сведения, и они относятся к 1860-м гг. Именно тогда в связи с нехваткой преподавателей всеобщей истории в университетах министром народного просвещения А.В. Головинным было поручено М.С. Куторге заниматься с 3 магистрантами для приготовления их к профессорскому званию. Благодаря архивным материалам можно установить их личности – это некий Штейнман,

¹ Дестунис Г.С. Михаил Семенович Куторга. Воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Ч. 246. № 7. С. 5.

² Письмо М.М. Стасюлевича М.С. Куторге от 3.12.1856 г. // М.М. Стасюлевич и его современники... С. 260.

И.О. Шиховский и в будущем довольно известный профессор П.И. Люперольский¹. Формат проведения «вечерних бесед» был несколько изменен. Встречи с М.С. Куторгой осуществлялись у него на дому уже 2 раза в неделю. По пятницам являлись все трое, представляя приготовленные ими на заданную профессором тему письменные работы по древнегреческой истории. Эти сочинения, которые могли и не быть составной частью будущих магистерских работ воспитанников, обсуждались и правились. Главное, на что обращал внимание Куторга при их разборе, – самостоятельность суждений магистрантов, привлечение максимума источников, их критика (глубокий источниковедческий анализ), а также знание историографии проблемы.

При этом мэтр был довольно строг, но справедлив, и не давал своим воспитанникам зазнаваться и преувеличивать важность сделанных открытий. Сверх того, по воскресеньям проходили индивидуальные консультации с профессором, где ученики отчитывались о своих наработках по избранной теме диссертации². Они докладывали о прочитанных монографиях и статьях, давали им свою оценку о возможности их использования в исследовании. Кроме того, ученики рассказывали и о промежуточных выводах готовящейся диссертации. Далее – детально разбиралась доказательная база выдвинутых тезисов.

«Вечерние беседы», безусловно, приносили огромную пользу начинающим историкам. П.И. Люперольский с искренней признательностью и чувством глубокого уважения к организатору домашних семинаров М.С. Куторге отмечает: «Я всегда буду памятовать и высоко ценить как Ваши полные высокого разума и глубокой опытности наставления и указания в деле науки, так и

¹ Черновик письма М.С. Куторги попечителю Петербургского учебного округа // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 94. Л. 1. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что И.О. Шиховскому и Штейнману не удалось защитить магистерских диссертаций. В архивах на этот счет не содержится каких-либо сведений. Мы установили лишь, что И.О. Шиховский сдавал магистерские экзамены в 1867 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16012. Л. 69 об.–75). Им же была защищена диссертация *provenialegendi* «О представительных учреждениях в древнем мире» в 1866 г., которая позволила ему читать курс по истории Римской империи (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16012. Л. 66–67).

² ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 146. Л. 1–2.

Ваш вполне бескорыстный и с тем вместе неустанный труд, с каким Вы постоянно занимались с нами в течение двух лет»¹.

М.С. Куторга занимался частным образом не только со студентами, но и с лицами, не имеющими отношения к Петербургскому университету, но желающими достичь успехов в науке или повысить свою образованность. Так, из кратких писем М.С. Куторге, где говорится о переносе занятий, приглашениях на них, следует, что в 1850-х гг. он занимался с Е.Э. Белосельской-Белозерской. Несколько лет спустя она с большой благодарностью вспоминала часы, проведенные в ученых беседах с профессором². Чуть позже, в конце 1850-х гг., частные занятия были и с великой княгиней Марией Николаевной³, которая в знак признательности подарила мэтру английские часы⁴, что, вероятно, свидетельствует о большом интересе ученицы к предмету. И, разумеется, о ее высокой оценке самих занятий.

Индивидуальные занятия М.С. Куторги с представителями высшего света заключались не только в чтении им лекций по древней истории, но и в подготовке и обсуждении их первых научных сочинений, выполненных под руководством профессора, то есть здесь также происходило обретение навыков исследовательского труда. Отзывы, которые давал Михаил Семенович на эти работы, наполнены откровенной лестью, что, думается, было стандартным в общении с высокопоставленными особами. Для иллюстрации приведем отрывок из черновика письма М.С. Куторги князю Николаю Максимилиановичу от 9 августа 1863 г.: «Не знаю, как выразить удовольствия, испытанного мною при чтении прекрасного рассуждения, которое я имел честь получить от Вашего Высочества... Для старого учителя нет более приятного и более утешительного чувства, как видеть логическое и последовательное изложение мыслей, написанное не только правильным, но и изящным языком, и замечательное еще в том отно-

¹ Там же. Л. 4 об.

² Письмо Е.Э. Белосельской-Белозерской М.С. Куторге б/д // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 106. Л. 9.

³ Письма К.Г. Ребиндера, секретаря великой княгини Марии Николаевны, М.С. Куторге // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 161. Л. 1–3, 11.

⁴ Письмо М.И. Рейнгардта, заведующего конторой двора великой княгини Марии Николаевны, от 17.05.1858 г. // ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 164. Л. 1.

шении, что заключает в себе много нового, вовсе не говоренного в буквах»¹. Однако не следует думать, что М.С. Куторга только лишь слепо восхищался работами своих знатных воспитанников. Та преамбула в письме, которая приводилась нами выше, была, вероятно, традицией общения с людьми из высшего сословия. Совершенно понятно, что профессор не мог, да и не имел желания обидеть таких учеников. После комплиментарной части следовали конкретные замечания, причем их было довольно много, что признавал и сам М.С. Куторга². Как человек науки он не мог их не отметить. Порой мнение рецензента кардинально расходилось с авторским.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что М.С. Куторга был довольно известным и уважаемым ученым также и в высшем свете. Он даже имел честь появляться на праздниках царской семьи, куда допускался лишь очень ограниченный круг лиц. Так, 6 декабря 1862 г. М.С. Куторга присутствовал на именинах князя Николая Максимилиановича, «где видел почти всех членов царского семейства»³. Это событие мэтр настолько хотел запечатлеть в своей памяти, что записал его карандашом на письме от К.Г. Ребиндера, секретаря великой княгини Марии Николаевны. Такое благоприятное расположение и доверительность со стороны представителей высшей знати создавало личные связи, что являлось очень важным фактором успешности как в дореволюционной, так и, по традиции, в современной России. Так, М.С. Куторга имел возможность передавать записки министру народного просвещения А.В. Головнину, где, например, он хлопотал о своем возвращении в университет после возобновления его деятельности в 1863 г.

Таким образом, зарождение школы М.С. Куторги следует относить к началу 1840-х гг., хотя первые опыты организации неформальных встреч со студентами происходили еще в конце 1830-х гг. «Педагогические занятия» и «вечерние беседы» были способом передачи профессионального опыта и мастерства, знаний и ценностей от мэтра к воспитанникам. Важным моментом

¹ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. 92. Л. 2.

² Там же. – Самих замечаний в архиве не удалось отыскать, только лишь указание на их наличие.

³ ОР РНБ. Ф. 410. Ед. хр. № 164. Л. 3.

является то, что занятия проводились в том числе и в неформальной обстановке, иногда даже совмещались с чаепитием, что создавало особую ауру доверительности и сотрудничества между учителем и его учениками. Здесь происходило становление профессионалов-историков, осваивалась методика научного исследования, передавались от учителя знания, умения и определялись будущие темы диссертаций, поэтому «вечерние беседы» и «педагогические занятия» можно назвать основой научной школы М.С. Куторги, одной из первых в России в области всеобщей истории.

Библиография

1. Антощенко А.В. DasSeminar: немецкие корни и русская крона (о применении немецкого опыта семинариев московскими профессорами во второй половине XIX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2009. С. 263–278.
2. Брачев В.С. Наша «петербургская школа историков» и ее судьба. СПб.: Стомма, 2001. 246 с.
3. В.Б. Празднование пятидесятилетнего юбилея ученой деятельности М.С Куторги // ЖМНП. 1883. Ч. ССXXVI. Апрель. С. 61–63.
4. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. / Под ред. В.Н. Гинева. СПб.: Наука, 2000. С. 7–106.
5. Григорьев В.В. Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Типогр. В. Безобразова и Со, 1870. 432+96+СХII с.
6. Дестунис Г.С. Михаил Семенович Куторга: воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Ч. 246. № 7. С. 3–14.
7. Дройзен И.Г. О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по истории // ЖМНП. 1869. Ч. CXLV. С. 79–92.

8. Константинова А.Д. Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1964. С. 80–122.

9. Константинова А.Д. М.С. Куторга как историк античности : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1966.

10. Кореева Н.С. К вопросу о начале исторического семинара как формы занятий в Российских университетах // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблемы изучения : сб. ст. Казань, 2008. С. 80–85.

11. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М.К. Лемке. СПб.: Типогр. М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. 572 с.

12. Мадиссон Ю.К. Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Уч. зап. Тартусского университета. Труды историко-филологического факультета. Таллин, 1956. С. 3–37.

13. Никитенко А.В. Дневник. М.: Захаров, 2005. Т. 2. 608 с.

14. Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. 544 с.

15. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: РОССПЭН, 2010. 503 с.

16. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений / Под ред. Б.П. Козьмина. М.: Художественная литература, 1939. Т. 1. 860 с.

17. Чумиков А.А. Студенческая корпорация в Петербургском университете в 1830–1840 гг. (из воспоминаний бывшего студента) // Русская старина. 1880. Т. 30. № 2. С. 367–380.

18. Шофман А.С. Основные проблемы истории античной Македонии в историографии // Уч. зап. Казанского государственного университета. Сер: История. 1954. Т. 114. Кн. 5. С. 149–216.

19. Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Умершие в 1886 г. СПб., 1890. Вып. 6.